

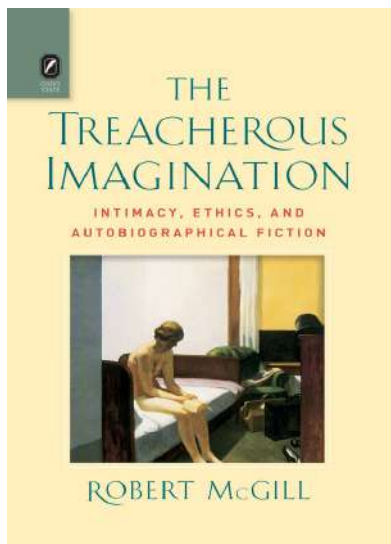
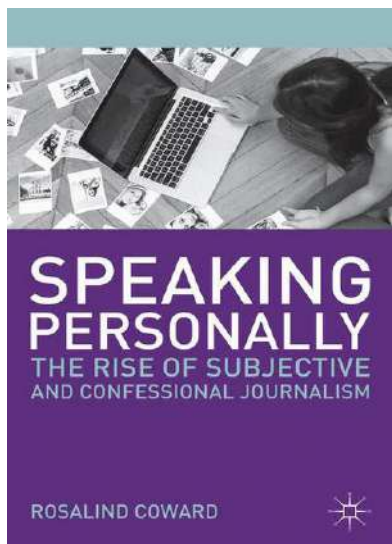
НОВЫЕ КНИГИ ОБ ИСПОВЕДАЛЬНОСТИ

Шуринова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, преподаватель Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: interjectio@yandex.ru

Аннотация. Обзор посвящен новым работам об исповедальности в литературе, журналистике и социальных медиа. Анализируя художественные тексты и конструирование авторских репутаций, специфические аспекты интернет-коммуникации, эффекты усиления субъективного начала в средствах массовой информации, исследователи представляют современные исповедальные практики как этически амбивалентный социокультурный феномен: McGill R. “The treacherous imagination: intimacy, ethics and autobiographical fiction” (2013); Coward R. “Speaking personally: the rise of subjective and confessional journalism” (2013); Rettberg J.W. “Seeing ourselves through technology. How we use selfies, blogs and wearable devices to see and shape ourselves” (2014).

Ключевые слова: исповедальность, этика, автобиографический вымысел, интернет-коммуникация, исповедальная журналистика, Макгилл, Реттберг, Ковард.

Спорная этика исповедальности нередко анализируется в трудах ученых. На социальную ответственность автобиографа указывал еще Ф. Лежен, а в 2004 г. П.Дж. Икин выпустил книгу «Этика исповедального письма», где с этой точки зрения рассмотрел различные исповедальные формы — интервью, биографии, дневники и др. За последнее время автобиография проникла в новые сферы, породила неоднозначные способы самовыражения, заостряющие характерные для современного «общества исповеди» социально-этические проблемы. В статье мы рассмотрим три фундаментальных исследования, посвященных различным практикам исповедальной культуры (литературной, журналистской, исповедальной интернет-коммуникации), авторы которых по-разному акцентируют связанные с этими практиками этические проблемы в экзистенциально-психологической, психоаналитической, социологической и других перспективах.

Провокационные откровения в литературных исповедях нередко становятся причиной скандалов. В то же время дискуссионной остается проблема автофикции (отметим труды Ф. Гаспарини, Дж. Гаста, С. Хемпстед и др.), подаваемой как текст с неопределенной референциальностью. Р. Макгилл в книге «Вероломное воображение» (“The treacherous imagination”, 2013) предлагает обратить внимание на этические нюансы отношений авто-

ра, пишущего «вымысел» о себе и реальных людях, с читательской аудиторией, а также с теми, кто становится прототипами его романов. Обращаясь к разнообразным аспектам «самовыдумывания», Макгилл рассуждает о том, может ли автофикциональный текст стать посредником, обеспечивающим продуктивный диалог между разными сторонами.

Представляя обзор истории трансгрессии, позволяющей пережить иную версию «Я» в литературном тексте, Макгилл описывает первые признаки трансгрессивного модуса в средневековой саморепрезентации Данте в «Божественной комедии». Далее он выделяет «романы с ключом», творчество Д. Дефо и Л. Стерна, а также рост интереса к биографическому письму в XIX столетии, эпоху создания писательских репутаций при помощи автофикциональных текстов. Анализируя модернистскую исповедальность, автор книги подмечает противоречивые тенденции, обусловившие и современный этап. С одной стороны, новая критика выносит личность автора за пределы литературоведческого дискурса, сосредоточившись на имманентном анализе произведения как художественного явления. С другой, в связи с популярностью психоанализа, литературные тексты создаются как «автобиографические головоломки, требующие паратекстуальных ключей» [McGill: 44].

Отталкиваясь от идей Ж. Женетта, автор книги определяет паратекст как «часть

устройства, которое формирует значение текста», [McGill: 52] и заключает, что о паратекстуальности современных романов говорит популярность самого термина «автофикция» как авторского определения жанра. Такой статус текста предполагает, что на интерпретацию будут оказывать значительное влияние репутация писателя и сведения о его биографии. В то же время автор автофикции отказывается комментировать степень достоверности своей литературной автобиографии, чем подтверждает ее сконструированность, усугубляя скандал.

Макгилл выделяет главный психологический мотив, во многом предопределяющий популярность автобиографического жанра: «И читателей, и писателей одинаково обуревают биографическое желание (biographical desire). Читатель художественной литературы хочет познать автора через его тексты; автор желает быть таким образом познан» [McGill: 47]. Многообразные паратекстуальные отношения между читателем и автором организуют коммуникацию.

Но при этом в создании паратекста участвует не только сам автор. Он оказывается конструкцией, возникающей как сумма критических и рекламных текстов. Необходимость реагирования на биографические спекуляции провоцирует поиск адекватных ответов на интерес читателя.

Макгилл подробно разбирает примеры Э. Смарт и Ф. Рота, на которых показывает разные способы разрешения данной дилеммы.

Смарт в своем романе «На центральной станции села я и заплакала» оставила рассказчицу безмянной, тем самым заключив с читателем леженовский «фантазматический пакт» (“le pacte fantasmatique”). Предупреждая появление биографических толкований в СМИ, Смарт сама указала в интервью на автобиографический характер произведения. Вместе с тем она ограничилась лишь намеками, а от прямой самоидентификации с персонажем предпочла воздержаться. Отношения между вымыслом и реальностью сложны как для автора, так и для читателя. Автор может не иметь представления о том, насколько его «Я» соотносимо с литературной конструкцией. Читатель же в свою очередь «ищет» идеального автора, проекцию, в определенном смысле не зависящую от реального лица: «Биографическое желание – это не просто желание истины, но желание контакта с другим человеческим существом, даже если этот контакт иллюзорен» [McGill: 67–68]. Поведение Смарт демонстрирует стремление управлять судьбой текста посредством контроля складывающихся вокруг него биографических интерпретаций.

Иначе с аудиторией обошелся Ф. Рот, создавший многочисленные альтернативные

версии своего «Я» в художественных работах («Моя мужская правда», «Другая жизнь» и др.). Представляя читателю мозаичную версию личной истории с противоречащими друг другу фактами, он акцентировал игровую природу автофикциональных текстов и указал на зыбкость границы между правдой и вымыслом. Кроме того, такой жест осуждал саму культуру, порождающую «биографическое желание», свидетельствуя о невозможности его полного удовлетворения.

Описывая сложные межличностные отношения, в которые вовлекает авторов и их близких автофикциональное письмо, Макгилл замечает, что многие друзья и знакомые писателей сознательно хотят стать объектом внимания художника, считая это лестным: «В конце концов, автор нашел их достаточно интересными для изображения в романе» [McGill: 83].

Однако гораздо чаще автобиографический текст провоцирует гнев и чувство унижения. Они возникают в связи с невозможностью контролировать своего двойника, а также навязыванием определенной версии идентичности, попыткой авторского доминирования. Между тем со стороны автора литературное исследование индивида может быть этическим проектом – стремлением понять «другого» и приглашением к диалогу. Эти грани показаны в романе А.С. Байетт «Игра», где автофикциональный текст обернулся трагедией для сестер Джулии и Кассандры: его соз-

дание не осуждается, но «показывается как результат семейной динамики, ни одной из сестер не позволившей обрести баланс между близостью с другим и пониманием своей индивидуальности» [McGill: 94].

Разбирая крайний случай «автобиографического предательства», роман «Близость» Х. Курейши, в котором критики усмотрели откровенное «письмо ненависти» (“hate letter”) по отношению к его бывшей жене Т. Скоффилд, Макгилл подчеркивает этическую неоднозначность отказа от конфиденциальности со стороны литератора. Культура конфиденциальности поддерживает стереотипизацию «Я», сведение его до социальной маски, в то время как тайные аспекты личности вовсе перестают осознаваться. Создание автофикции сравнивается с прелюбодеянием: отказываясь от принимаемой близкими статичной версии идентичности, автор «бунтует против гнетущего брака» [McGill: 86], создает альтернативные версии самого себя ради «частичного восстановления полноты „Я“» [McGill: 110]. Одновременно с этим несомненно, что нарушение конфиденциальности подразумевает и экономическую мотивацию со стороны автора – скандал в СМИ в свою очередь способствует продаваемости текста. Таким образом, бунтуя против культуры конфиденциальности, автор получает прибыль именно благодаря ее существованию.

Завершая книгу, Макгилл рассуждает о

различных методах, благодаря которым автор исповедального текста, оставаясь фактическим «предателем», может не жертвовать отношениями с близкими ему людьми. Рассматривая «Материал» Э.Э. Манро и исповедальную полемику Ф. Рота с его женой К. Блум, автор показывает, что описание собственной версии событий как ответный жест со стороны близких скорее обостряет конфликт, чем способствует его разрешению. Благодаря вторичности такого текста он часто воспринимается как акт мести: «Как видится, второе предательство порождено первым» [McGill: 127].

Анализ разнообразных решений писателей (таких, как использование псевдонима, получение разрешения близких на их художественное изображение, объяснение автором своих мотивов и т.д.) наглядно показывает недостаточность каждого из них. Наибольшее внимание привлекает сотворчество с родными при написании текста. Однако такой метод делает невозможным бессознательные творческие акты, а также излишне объективирует сами отношения, превращая литературу «из средства налаживания отношений в средство их инструментализации» [McGill: 142].

Макгилл заключает, что ни одна из стратегий не может являться универсальным методом, однако этическая модальность исповедального творчества реализуется лишь при условии авторского отказа от идеи еди-

ноличного права на свои тексты и признания возможности разных взглядов.

Не менее актуальны этические вопросы и для исповедальной журналистики. Согласно автору книги «Личное мнение» (“Speaking personally”, 2014) Р. Ковард, в журналистской области этическая ответственность и риск обвинений в эксплуатации чужих жизней обостряется еще сильнее. Правдивость остается ключевым требованием автобиографических историй, несмотря на то, что личная история, рассказанная в газете или описанная в романе, обладает долей литературной условности. Журналистика как источник достоверных фактов в связи с этим получает особую роль: она придает персональным историям «ауру правдивости, являясь для личных исповедей удивительно плодотворной средой» [Coward: 95].

Исповедальное направление в журналистике также часто становится предметом критического анализа. Относительно недавно вышли работы Б. Зелайзер, А. Гейбер, Н. Симс, показывающие тесные связи между журналистской и литературной практикой [Sims], фундаментальные изменения в жанровой системе вследствие таблоидизации прессы [Zelizer] и т.д. Работа Ковард представляет собой комплексное исследование, в котором на обширном материале рассматривается постепенное формирование исповедального дискурса в журналистике: возникновение стилистических и композиционных особенностей,

позволяющих звучать личным мнениям, а также появление специфических направлений, таких как гонзо- и новая журналистика.

При этом таблоидизация, разрушение барьеров между “hard news” и “soft news” показывается как следствие фундаментальных сдвигов в философских основах журнализма, требующих изменения самих журналистских принципов. Это объясняет неоднозначность процессов, происходящих в современной журналистике, и их проблемность в плане профессиональной этики. Традиционными принципами журналистики поддерживается идеал «нейтрального обозревателя, сообщающего факты, не выражая собственной позиции или личной заинтересованности» [Coward: 13], который противопоставляется ненадежности субъективного письма.

Ковард настаивает на том, что журналистская исповедальность не является качественно новым явлением. Ранняя журналистика была гораздо более «пристрастной», газета отчетливо формулировала свою политическую аффилиацию. Объективность и опора на факты возникли в связи с многими факторами, среди которых немаловажное значение имело «развитие науки и становление реализма в литературе» [Coward: 16]. Анализируя такие издания, как “New York Times”, “Washington Post”, “The Guardian”, “Daily Mirror” и др., Ковард исследует историю англоязычной субъективной журналистики, следы

которой обнаруживаются еще в английских и американских газетах XIX столетия.

Принцип же объективности как безусловное требование автор книги видит парадоксальным. С одной стороны, это предполагает отстраненность пишущего, с другой, ведущим журналистским жанром является репортаж, где личное присутствие репортера необходимо. Наконец, субъективность неустраима, так как в любом случае выражается через стиль. В этом смысле граница между журналистом и романистом достаточно зыбка (автор приводит примеры Дж. Лондона, М. Твена, Ч. Диккенса и др., которые были известны не только как писатели, но и как журналисты).

Усиление субъективного начала в прессе наглядно продемонстрировано при помощи анализа истории двух жанров, формирующих ядро объективной журналистики, – колонок мнений и редакционных статей. Ковард утверждает, что если сначала субъективные комментарии были вторичны, то впоследствии их стали объединять в целые разделы. В формировании этой тенденции огромную роль сыграла практика публикации читательских писем, способствовавшая расширению диапазона мнений. Сегодня нам предпочтительнее смотреть на «яркую индивидуальность, предлагающую ясный, остроумный и занятый аргумент, чем пассивно внимать бесплотному голосу, вещающему о событиях дня» [Coward: 51]. Повы-

шение авторитета колумнистов доказывает нацеленность современной журналистики на диалог с читателем, а также свидетельствует об увеличении ее рефлексивности, ухода от принципа всезнающего объективизма.

Кроме того, в книге демонстрируется, что субъективизация журналистики во многом созвучна знаковым тенденциям и течениям в культуре XX столетия: феминистскому движению, увеличению интереса к психологии. Так, волны феминизма 1970 и 1980 гг. и, как следствие, успех женщин-журналистов, вывели на передний план специфические «женские» проблемы – проблему аборт, домашнего насилия и т.д. Кроме того, женские голоса заострили вопрос об «иной субъективности» в журналистике, противопоставляемой мужской, которая и претендует на объективность. В результате, как утверждает Ковард, доверие к традиционным авторитетным источникам информации стало утрачиваться, в журналистике появлялись все более специфичные стилистические формы, издания стали выстраивать информационную политику, ориентируясь на индивидуальные особенности разнородной читательской аудитории. С одной стороны, эти процессы являются следствием демократизации общества, с другой – провоцируют ощущение неуверенности и ненадежности.

Сильнее всего заостряет это противоречие интернет-журналистика. Ковард при-

водит аргументы в пользу того, что с наибольшей эмансипированностью субъекта связаны журналистские блоги. Именно индивидуальность блогера (а не авторитетность и профиль издания) теперь привлекает внимание читателей: «Между читателем и автором больше нет безликой организации в виде газеты или издателя, осуществляющей селекцию и правку» [Coward: 115]. Вместе с тем достоверность информации в таком случае дискредитируется, а коммуникация обезличивается вследствие анонимности и возможности создания вымышленной идентичности. Автор заключает, что данный эффект формирует один из парадоксов исповедальной журналистики в интернет-пространстве, изучение которой является актуальной задачей для современной науки.

Влияние, которое интернет оказывает на коммуникацию, несомненно, огромно и противоречиво. М.Дж. Багеджа полагает, что перенесение общения в онлайн-среду продуцирует «межличностный разрыв» [Bugeja], а Р. Холт видит интернет как «гражданский дискурс» и настаивает на необходимости анализа сетевых сообщений с учетом их диалогичности [Holt]. В работе Дж.У. Ретберг об исповедальности в виртуальном пространстве «Взгляд на себя сквозь призму технологий» (“Seeing ourselves through technology”, 2014) эта двойственность показана как социально-этическая дилемма.

Негативное представление, связанное с

сетевым общением, автор интерпретирует как проявление этических ограничений со стороны общества. Например, “selfing” часто интерпретируется как следствие эгоцентризма и симптом нарциссической патологии, стереотипно связываясь с образом молодой женщины. Симптоматично, что в связи с сетевыми самодемонстрациями также поднимаются вопросы о нарушении приватности, снижении эмпатии, отчуждении от социальных и семейных отношений в результате чрезмерного внимания, уделяемого виртуальному пространству.

При этом с точки зрения автора природа самовыражения в интернете прежде всего коммуникативна. Три основных его вида – письменный (“blogging”), визуальный (“selfing”) и количественный (“lifelogging”) – дают возможность создавать разнообразные цифровые репрезентации «Я», которые представляют собой текст, нуждающийся в интерпретации закодированное сообщение. При этом текст всегда переживается как социальная коммуникация; именно поэтому и логика интернет-исповедальности должна рассматриваться сквозь призму сетевого общения: «Это не просто тексты, которые отправляются откуда-то издалека. Эти картинки и слова – часть разговора» [Rettberg: 19].

Этическая амбивалентность цифровых саморепрезентаций проявляется не только в оценке самого явления, но и в его непосредственных эффектах. Реттберг обращается

к фильтрам, используемым в современной цифровой культуре для редактирования и искажения содержания сообщений, данных, изображений (визуальным редакторам, стандартизации записей в блогах). С одной стороны, технологические фильтры создают дистанцию между реальным и эстетизированным «Я», выступая как средство остранения и позволяя иначе пережить повседневный опыт. Наряду с этим, приводя в пример ограничение, накладываемое Твиттером на число символов в сообщении или невозможность использования анимированных изображений в Фейсбуке и др., автор заостряет внимание на том, что технические средства предоставляют нам возможность для самовыражения при помощи лимитированного количества способов. Между технологическими и культурными фильтрами (дискурсивными стратегиями, жанровыми ожиданиями и представлениями) просматривается сходство. В частности, сам язык «также можно понимать как технологию, и это еще один из окружающих нас фильтров» [Rettberg: 22]. Технологические фильтры, часто связанные с культурными, ставят под вопрос свободу самовыражения: они обеспечивают отбор предпочтительных образов «Я» и могут становиться средством дискриминации определенных социальных групп.

Наконец, технологизация провоцирует и такой эффект, как контроль (“surveillance”), которому мы подвергаемся ежедневно и не

можем регулировать. Сегодня мы имеем дело с многообразием виртуальных следов идентичности, собранных госучреждениями, страховыми компаниями, работодателями, маркетологами и т.д. Это вызывает в памяти образ паноптикона в трактовке М. Фуко и его новое прочтение. Видение себя «сквозь призму технологий» неоднозначно: «Как найти баланс между самонаблюдением посредством устройств и тем фактом, что устройства наблюдают за нами?» [Rettberg: 79]. Автор указывает на усложнившийся характер современного наблюдения – криптоптикон (“cryptopticon”) – описывает ситуацию, когда сам факт рассеянного наблюдения уже не воспринимается как инструмент власти и перестает оцениваться негативно: «Мы не знаем, как именно за нами наблюдают, — мы просто знаем, что это так. Нам нет нужды контролировать свое поведение под чьим-то взглядом. Напротив, как представляется, нас это не заботит вовсе» [Rettberg: 85].

Таким образом, книги об исповедальности последних лет демонстрируют обращение к различным дискурсам и популярным практикам в связи с вопросами этики, что становится одной из ведущих тенденций современной научной мысли. Описывая особенности отношений авторов с читательской аудиторией, близкими, обществом и социальными механизмами в целом, ученые показывают исповедальность как противоречивый социальный феномен, способный по-

родить множество конфликтных ситуаций и провоцирующий неоднозначные оценки. Исповедальности в журналистике и интернете присущи специфические сложности: неоднозначность соблюдения профессиональной этики в ситуации размывания границ между субъективной и объективной журналистикой, негативизация социальных медиа, ограничение свободы самовыражения вследствие наложения фильтров. Общей проблемой для рассмотренных нами форм исповедальности является ущемление права на приватность. В разных сферах оно приобретает свои нюансы, однако авторы сходятся на необходимости понимания диалогической природы исповедального текста.

Литература

Bugeja, M. J. (2005). *Interpersonal divide: the search for community in a technological age*. Oxford: Oxford University Press.

Coward, R. (2013). *Speaking personally: the rise of subjective and confessional journalism*. London: Palgrave Macmillan.

Eakin P., J. (2004). *The ethics of life writing*. Ithaca: Cornell University Press.

Gaber, I. (2014). Three cheers for subjectivity: or the crumbling of the seven pillars of traditional journalistic wisdom. In I. Gaber, A. Charles, *The end of journalism version 2.0: industry, technology and politics*. Oxford: Peter Lang Ltd, 53-71.

Gasparini, Ph. (2008). *Autofiction: une aventure du langage*. Paris: Seuil.

Gust, G. (2009). *Constructing Chaucer: author and autofiction in the critical tradition*. New York: Palgrave Macmillan.

Hempstead, S. (2015). «*I am made and remade continually*»: *the broken subject and autofiction in Nella Larsen and Virginia Woolf*. Vestal: State University of New York at Binghamton.

Holt, R. (2004). *Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-Mediated Communication*. London: Praeger.

McGill, R. (2013). *The treacherous imagination: intimacy, ethics and autobiographical fiction*. Columbus: Ohio State University Press.

Rettberg, J. W. (2014). *Seeing ourselves through technology. How we use selfies, blogs and wearable devices to see and shape ourselves*. London: Palgrave Macmillan.

Sims, N. (2007). *True stories: a century of literary journalism*. Evanston: Northwestern University Press.

Zelizer, B. (2009). *The changing faces of journalism: tabloidization, technology and truthiness (shaping inquiry in culture, communication and media studies)*. London: Routledge.

References

Bugeja, M. J. (2005). *Interpersonal divide: the search for community in a technological age*. Oxford: Oxford University Press.

Coward, R. (2013). *Speaking personally: the rise of subjective and confessional journalism*. London: Palgrave Macmillan.

Eakin P., J. (2004). *The ethics of life writing*.

Ithaca: Cornell University Press.

Gaber, I. (2014). Three cheers for subjectivity: or the crumbling of the seven pillars of traditional journalistic wisdom. In I. Gaber, A. Charles, *The end of journalism version 2.0: industry, technology and politics*. Oxford: Peter Lang Ltd, 53–71.

Gasparini, Ph. (2008). *Autofiction: une aventure du langage*. Paris: Seuil.

Gust, G. (2009). *Constructing Chaucer: author and autofiction in the critical tradition*. New York: Palgrave Macmillan.

Hempstead, S. (2015). «*I am made and remade continually*»: *the broken subject and autofiction in Nella Larsen and Virginia Woolf*. Vestal: State University of New York at Binghamton.

Holt, R. (2004). *Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-Mediated Communication*. London: Praeger.

McGill, R. (2013). *The treacherous imagination: intimacy, ethics and autobiographical fiction*. Columbus: Ohio State University Press.

Rettberg, J. W. (2014). *Seeing ourselves through technology. How we use selfies, blogs and wearable devices to see and shape ourselves*. London: Palgrave Macmillan.

Sims, N. (2007). *True stories: a century of literary journalism*. Evanston: Northwestern University Press.

Zelizer, B. (2009). *The changing faces of journalism: tabloidization, technology and truthiness (shaping inquiry in culture, communication and media studies)*. London: Routledge.

NEW BOOKS ON CONFESSIONAL CULTURE

Nataliya S. Shurinova, PhD, literature teacher at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
e-mail: interjectio@yandex.ru

Abstract. The review explores new books devoted to confessions in literary texts, journalism, and social media. While analyzing literary texts, the image-making decisions of different authors, specific aspects of Internet-communication, and the effects of the rise of subjectivism in mass media, re-searchers present modern confessional practices as an ethically ambivalent socio-cultural phenomenon: McGill R. “The treacherous imagination: intimacy, ethics and autobiographical fiction” (2013); Coward R. “Speaking personally: the rise of subjective and confessional journalism” (2013); Rettberg J. W. “Seeing ourselves through technology. How we use selfies, blogs and wearable devices to see and shape ourselves”.

Key words: confessional culture, ethics, autobiographical fiction, Internet-communication, confessional journalism, McGill, Rettberg, Coward.

